

А. С. Домченко
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕЖИМ КАК ПРИЗНАК НОРМАТИВНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО АКТА

В статье ставится проблема недостаточности использования такого юридическо-го средства, как правоотношение, представленного в структуре механизма административно-правового регулирования, для учета уникальности и многообразия различных видов деятельности и взаимодействия. В связи с этим предлагается рассматривать конструкцию административного режима в качестве альтернативы механизму административно-правового регулирования, поскольку режимная регуляция осуществляется в тех случаях, когда отсутствует либо крайне ослабляется связь субъектов, построенная на основе взаимных прав и обязанностей, что не позволяет (или значительно затрудняет возможность) рассматривать данных субъектов в статусе участников тех или иных правоотношений, тогда как их деятельность (взаимодействие) тем не менее осуществляется.

Автор определяет место нормативного административного акта в механизме административно-правового регулирования, его признаки и характер регламентирующего воздействия, а также выявляет особенности режимного регулирования в сфере публичного управления. Сделан вывод о том, что необходимо рассматривать административный режим как ключевой признак нормативного правового акта, позволяющий отграничить его от всех иных управленческих решений, определить его отраслевую принадлежность, значение, интервал регулирующего воздействия, влияние на деятельность и другие правовые акты.

Ключевые слова: признаки нормативного административного акта, механизм административно-правового регулирования, административный режим, нормативность, режимное воздействие, специальные административные режимы

Для цитирования

Домченко А. С. Административный режим как признак нормативного административного акта // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 3. С. 83–90. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_83.

УДК 342.924

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_83

Для юридической науки и практики является в большей мере правилом, нежели исключением, отсутствие разделяемых большинством определений базовых категорий (а также единых и общих в системе актуального правопорядка понятий). Сказанное, к примеру, касается категории нормативного правового акта, частным случаем которого выступает нормативный административный акт.

Тем не менее правовая доктрина и прикладная юриспруденция выявляют (форму-

лируют) совокупности относительно устойчивых признаков того или иного предмета (явления) в целях его идентификации, отграничения от иных предметов (явлений), их соотнесения (сравнения). Так, выделяются следующие признаки нормативного административного акта: 1) подзаконный и исполнительно-распорядительный характер; 2) принадлежность к сфере публичного управления; 3) издание в установленном порядке управомоченным органом (организацией, должностным лицом) публичной адми-

нистрации; 4) наличие в нем правовых норм, т. е. правил поведения, которые обязательны для неопределенного круга лиц или условно устойчивого круга субъектов с относительно переменным составом, рассчитаны на неоднократное применение, направлены на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений [Хахалева 2010: 428–429; Домченко 2017: 53–54; Уманская, Малеванова 2020: 47–51, 63–66; Кононов 2021: 139]. Это дает основание выделить в качестве самостоятельных признаков такого правового акта обязательный неперсонифицированный и неоднократный характер его действия, а также его направленность на изменение динамики общественных отношений.

Система названных существенных признаков обуславливает необходимость выделения и дополнительного, а именно представленности нормативного административного акта в механизме административно-правового регулирования. Действительно, в основе формулирования каждого из перечисленных признаков лежит принятое за аксиому положение о том, что правовое регулирование (в том числе в сфере публичного управления) целенаправленно воздействует на общественные отношения, трансформируя их в правоотношения того или иного отраслевого (межотраслевого) вида. Во-первых, принимается нормативный правовой акт, содержащий нормы права, в гипотезах которых есть указание на условия их действия (юридические факты). Во-вторых, возникают конкретные жизненные обстоятельства (ситуации), соответствующие описанным в нормах, что переводит участвующих в них субъектов в статус участников правоотношений, руководствующихся заключенными в диспозиции правовой нормы правилами с оглядкой на возможные виды юридической ответственности (иные виды правового принуждения), которые закреплены в санкции нормы. В-третьих, участники правоотношений реализуют принадлежащие им права, обязанности, полномочия, несут предусмотренную нормой ответственность и т. д.

Однако данная описательная конструкция не учитывает уникальности и многообразия различных видов деятельности и взаимодействия, которые подвержены правовому регулированию, но не основаны на корреспонден-

ции прав и обязанностей, т. е. исключают возможность рассмотрения их в качестве правоотношений.

Реальная практика демонстрирует множество ситуаций, в рамках которых субъекты действуют относительно автономно в силу возложенных на них обязанностей, ограничений, запретов, следуя тем или иным условиям, как это зачастую происходит при реализации полномочий властными субъектами, адресатами обязательных требований, взаимодействуют на основе встречных обязанностей, в том числе в случаях профессиональной кооперации (нормотворческая деятельность; юрисдикционный процесс – за пределами предоставленных юридических гарантий, обуславливающих конструирование юридических норм по правопредоставительному и противостоящему ему правообязывающему типам; межведомственное информационное взаимодействие и т. п.).

Иными словами, конструкция правоотношения не является единственно возможной для актуального правопорядка (что в первую очередь касается его особой публично-властной составляющей – административного правопорядка), в том числе для характеристики нормативного правового акта, задающего основу не только тем или иным правоотношениям, но и правовым режимам, возникающим тогда, когда отсутствует либо крайне ослабляется связь субъектов, построенная на основе взаимных прав и обязанностей, но их деятельность (взаимодействие) осуществляется.

Представляется верным, что именно данное обстоятельство учитывал Пленум Верховного Суда РФ, относя к признакам нормативного акта возможность установления им правового режима конкретного объекта публичного права, поскольку такой режим свидетельствует об обязательности этого акта для неопределенного круга лиц (абз. 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»). В юридической науке также высказываются поддерживаемые нами суждения о возможной правовой регуляции посредством административно-правовых режимов [Долгополов 2006: 46].

Однако такая регуляция не является однородной, поскольку подразумевает различие административных режимов ординарного и экстраординарного характера [Зырянов 2016]. И если экстраординарные (нестационарные) режимы непостоянны, их воздействие волнообразно и может быть описано в терминах стохастических изменений, то ординарным (стационарным) режимам присуще равномерное интенсивное воздействие, обуславливающее их регулярность и масштаб. Иными словами, ординарные режимы являются более устойчивыми, поскольку длительность их действия заранее и точно не определена (они внетемпоральны), а охват режимного воздействия не избирателен (ни по ситуациям, ни по обстоятельствам, ни по объектам) и приближается к абсолютному. Это позволяет сделать вывод о безусловной силе данных режимов, проявляющейся в *стабильности позитивного обывания*, а также в их самодостаточном характере в отличие от экстраординарных режимов.

Действительно, чрезвычайные, нестационарные, ситуационные административные режимы могут быть рассмотрены лишь в качестве реакционных, исключительных сочетаний юридических средств, заимствованных из наличного инструментария административных режимов ординарного типа (все режимы так или иначе подразумевают реализацию правоограничений, а их различие заключается в *интенсивности воздействия* одними и теми же средствами на разные типы ситуаций, обстоятельств и объектов).

Следовательно, обуславливающие возникновение экстраординарных режимов факторы в действительности не приводят к возникновению каких-либо особых средств и не свидетельствуют о появлении «мобилизационного» (чрезвычайного) метода в деятельности органов публичного управления. Напротив, налицо лишь изменение подхода к реализации их общественно значимых функций и полномочий, в рамках которых имеющиеся средства используются уже в роли компенсаторов для достижения амортизационного (погашающего) эффекта в условиях изменения интенсивности негативного воздействия на публичный правопорядок [Соболев, Домченко 2022]. Сказанное позволяет сделать следующий вывод: поскольку экстраординарные режимы противоречат природе социальной стабильности,

которую тем не менее должно обеспечивать государство, располагающее ограниченным набором юридических средств, постольку данные режимы являют собой компенсацию дестабилизирующего (деструктивного) влияния любых факторов, которые вторгаются в поле ординарных административных режимов.

Иначе говоря, не существует ни одного экстраординарного режима, который бы не являлся следствием ситуационного ответа ординарного режима, единственно способного поддерживать регулярность и стабильность, соотносимые со свойством юридической нормативности.

Более того, нережимное регулирование в публичном правопорядке в значительной мере уступает режимному. Это позволило А. А. Долгополову и А. Н. Жеребцову сделать следующий вывод: «Управление, в том числе в различных областях социальной жизни, может состояться лишь в том случае, если правовое регулирование управленческой деятельности государственных органов

Не существует ни одного экстраординарного режима, который бы не являлся следствием ситуационного ответа ординарного режима, единственно способного поддерживать регулярность и стабильность, соотносимые со свойством юридической нормативности

осуществляется посредством административно-правовых режимов» [Долгополов, Жеребцов 2016: 306]. С одной стороны, верно, что публичное управление может осуществляться посредством административного режимоустройства, однако в адекватно организованной режимной среде потребность в управленческом воздействии, как правило, отпадает, уступая место практикам «алгоритмизированного» (по условиям самого режима) руководства. С другой стороны, управление как преобразующая деятельность по отношению к иным видам деятельности намного шире осуществления режимоустроительных мероприятий, а стало быть, не может быть сведено к последним.

Несмотря на сказанное, преобладание режимного регулирования, безусловно, характеризует публичный правопорядок, в том

числе поскольку органами государственной администрации методы административно-правового воздействия реализуются в ходе осуществления исполнительно-распорядительной деятельности или взаимодействия с иными субъектами, которые также, используя доступные правовые формы и методы, выступают участниками деятельности специальных видов (образовательной, медицинской, промышленной, правоохранительной, военной, инновационной и др.), но в большинстве случаев не могут быть рассмотрены как субъекты административных правоотношений, в частности ввиду отсутствия необходимой для конструирования подобных отношений связи взаимных (встречных) прав и обязанностей.

В то же время воздействие на указанные отрасли деятельности специальных (наделенных публичной властью) субъектов на основании специальных (административно-правовых) норм посредством специальных методов (регулирования, общего руководства, лицензионно-разрешительного, регистрационно-учетного, контрольно-надзорного, содействия (опеки), принуждения) образует в совокупности основу для административно-правовых режимов [Соболев 2017: 59].

При этом А. Ф. Ноздрачев обоснованно пишет, что «все нормативные правовые акты, образующие конструкцию административного режима, должны быть между собой согласованы, органически связаны и объединены в единую систему, образуемую различными видами нормативных правовых актов» [Ноздрачев 2017: 109]. Однако в данном контексте автором без онтологической характеристики рассмотрен лишь режимформирующий (режимоустроительный) аспект административного акта, тогда как без должного внимания остаются режимонесущие (режимовоспроизводящие) акты, рассматриваемые нами в качестве актов применения режимных требований к конкретным ситуациям и обстоятельствам, т. е. актов ненормативных. Последние обладают реакционным, организационным характером и производны от режимформирующих актов; направлены на придание индивидуально-статусным элементам специальной правосубъектности граждан и их организованных коллективов динамических свойств (стимулирование деятельности в режимном поле, преобразование ее

в процесс); не способствуют возникновению, изменению или прекращению правоотношений, а лишь отягощают попадающие в рамки режима деятельность и взаимодействие процедурно-процессуальными компонентами.

Приведенные особенности режимных актов (в отличие от актов, порождающих режимы) не только способствуют демаркации нормативного и ненормативного правового регулирования и соответствующих данным типам правового воздействия административных актов, но и позволяют разрешить фундаментальную проблему современной административистики, заключающуюся в отграничении административных действий от административных актов. Дело в том, что в условиях административных режимов исключается как саморегулирование [Осинцев 2022: 46], так и система волевых действий субъектов, поскольку режимность обуславливает устойчивую исполнительскую механику, сопровождаемую осуществлением режимонесущих актов, вне зависимости от наличия / отсутствия документированной формы и разновидности (информация, доклад, поручение, высказывание, операция (поведение), мероприятие и т. д.).

Значит, может быть критически оценена правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ, отнесшего «к действиям наделенных публичными полномочиями органов и лиц... их волеизъявление, которое не облечено в форму решения»¹, поскольку основания для свободного волеизъявления в условиях режимной регуляции, предусматривающей требование, отсутствуют (режимность детерминирует автоматику исполнения, подерживаемую соответствующими актами, а сам факт волеизъявления властного субъекта порождает отклонения от режимных требований, которые и должны являться предметом судебной оценки).

Таким образом, лежащая в основе режима регулярность соответствует нормативности актов, ситуативность приложения режимных требований соотносится с актами правоприменения, а физические действия и организационные мероприятия, выходя за пределы

¹ Пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации».

правового воздействия, поглощаются режимом, что делает их совершенно индифферентными в юридическом измерении.

Поскольку административный режим, с одной стороны, рассматривается в качестве индикатора нормативности акта, установившего данный режим, и с другой стороны, позволяет отграничить нормативный административный акт от ненормативного, представляется верным обратиться к конкретным правовым актам, как порождающим административные режимы, так и обеспечивающим их действенность.

Например, режимы общей или частичной мобилизации задаются актами Президента РФ, о чем свидетельствуют положения ст. 4 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», а также внесенные в данный Закон изменения, обусловленные режимными требованиями. Более того, введение режима частичной мобилизации Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 повлекло внесение множества изменений в ТК РФ¹, КоАП РФ², иные федеральные законы³, а также принятие новых федеральных законодательных⁴ и подзаконных⁵ актов. При этом режимная обусловленность подобных результатов правотворческих решений исключает их из числа нормативных, поскольку такие акты, независимо от занимаемого ими места

в формальной иерархии источников права, наименования, прохождения всех юридически значимых процедур, несут некоторые элементы режимного воздействия, за пределами которого они уже не могут быть реализованы, так как потребность в них просто отпадает.

Аналогичной позиции придерживался, например, Высший Арбитражный Суд РФ, рассматривая акт применения к тем или иным объектам публичного права специального режима, предусмотренного законом или иным нормативным правовым актом, как ненормативный⁶. Руководствуясь указанной позицией, суды оценивали постановления об утверждении схем размещения нестационарных торговых объектов⁷, а также проектов планировки территории⁸, резервировании земель⁹ в качестве режимонесущих, т. е. ненормативных. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 подобный подход проигнорирован, в связи с чем режимоформирующие и режимонесущие акты в равной степени рассматриваются как нормативные. Это порождает порочную правоприменительную практику и требует критического переосмысления.

Наконец, стоит отметить, что административный режим способен не только порождать соответствующие режимные требования, облакаемые в правовые акты, но и «поглощать» требования иных правовых актов (как нормативных, так и правоприменительных), интенсифицировать, замедлить, парализовать их воздействие, что наблюдается в условиях режимов, ставших ответом на пандемию коронавируса COVID-19, а также режимов, имеющих милитаризованную окраску. При названных обстоятельствах зарождаются гибридные формы нормативных и правоприменительных актов,

¹ Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации».

² Федеральный закон от 24 сентября 2022 г. № 364-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

³ Федеральные законы от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁴ См., например: Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ См., например: Указ Президента РФ от 2 ноября 2022 г. № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации».

⁶ Абзац 2 п. 1.1 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 58 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов» (не подлежит применению с 25 декабря 2018 г.).

⁷ Определения Верховного Суда РФ от 4 июня 2015 г. по делу № 310-ЭС14-7667, от 4 июня 2015 г. № 310-кг15-1493.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 1 декабря 2016 г. № 305-КГ16-15954.

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 декабря 2015 г. № Ф04-28086/2015 по делу № А46-4505/2015.

«достраивающих» административные режимы соответственно изменяющимся условиям, что обуславливает необходимость оценивать одни и те же акты и как режимопорождающие, и как режимонесущие. Однако речь в таком случае идет исключительно о чрезвычайных режимах и не касается преобладающей части ординарных административных режимов.

Резюмируя сказанное, считаем верным рассматривать административный режим как ключевой признак нормативного административного акта, позволяющий отграничить его от всех иных управленческих решений, а также определить его отраслевую принадлежность, значение, интервал регулирующего воздействия, влияние на деятельность и другие правовые акты. Сам же факт существова-

ния административных режимов (что следует из различных доктринальных подходов) предполагает некий стационарный режим (режим нормативного акта), который не исчерпывается изданием того или иного акта, его регистрацией в Министерстве юстиции РФ, а, напротив, инициирует динамику в сфере исполнительно-распорядительной деятельности государства.

Таким образом, полученные в ходе исследования режимности административного акта результаты открывают до настоящего времени не изученные аспекты феномена и обозначающей его конструкции административного режима, предоставляя возможности для проблематизации и пересмотра ряда теоретических позиций, подходов, концептуальных положений в науке административного права.

Список литературы

Долгополов А. А. Понятие и виды нормативных правовых актов, образующих административно-правовые режимы // Российский следователь. 2006. № 9. С. 43–48.

Долгополов А. А., Жеребцов А. Н. Административно-правовой режим как критерий структурирования отрасли российского административного права // Общество и право. 2016. № 2. С. 303–307.

Домченко А. С. Виды нормативных и иных неиндивидуализированных правовых актов публичного управления федерального уровня // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 6. С. 52–59.

Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 72–81.

Кононов П. И. Очерки общей теории современного административного права. М.: Юнити-Дана, 2021. 239 с.

Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98–110.

Осинцев Д. В. Система административного права (методология, наука, регламентация): моногр. М.: Инфра-М, 2022. 228 с.

Соболев О. В. Индивидуальный административно-правовой режим // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 2. С. 55–63.

Соболев О. В., Домченко А. С. Реализация адаптационной модели публичной власти на примере органов местного самоуправления в условиях санкционного давления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2022. № 4. С. 3–6.

Уманская В. П., Малеванова Ю. В. Государственное управление и государственная служба в современной России: моногр. М.: Норма, 2020. 176 с.

Хахалева Е. В. Некоторые вопросы определения нормативности правового акта управления // Наука и современность. 2010. № 6-2. С. 428–435.

Артем Сергеевич Домченко – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Administrative Regime as a Sign of a Regulatory Administrative Act

The article raises the problem of the insufficiency of using such a legal means as a legal relationship, represented in the structure of the mechanism of administrative and legal regulation, to take into account the uniqueness and diversity of various types of activities and interactions. In this regard, it is proposed to consider the construction of an administrative regime as an alternative to the mechanism of administrative and legal regulation, since regime regulation is carried out in cases when there is no (or it is extremely weakened) connection of subjects built on the basis of mutual rights and obligations, which does not allow (or extremely complicates the possibility) considering these subjects as participants in certain legal relations, whereas their activities (interactions) are nevertheless being implemented.

The author defines the place of a regulatory administrative act in the mechanism of administrative and legal regulation, its features and the nature of the regulatory impact, and identifies the features of regime regulation in the field of public administration. A conclusion is drawn that it is necessary to consider the administrative regime as a key feature of a regulatory legal act, allowing to distinguish it from all other management decisions, determine its industry affiliation, value, interval of regulatory impact, influence on activities and other legal acts.

Keywords: signs of a normative administrative act, mechanism of administrative and legal regulation, administrative regime, normativity, regime impact, special administrative regimes

Recommended citation

Domchenko A. S. Administrativnyi rezhim kak priznak normativnogo administrativnogo akta [Administrative Regime as a Sign of a Regulatory Administrative Act], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 3, pp. 83–90, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_3_83.

References

Dolgoplov A. A. Ponyatie i vidy normativnykh pravovykh aktov, obrazuyushchikh administrativno-pravovye rezhimy [The Concept and Types of Regulatory Legal Acts that form Administrative-Legal Regimes], *Rossiiskii sledovatel'*, 2006, no. 9, pp. 43–48.

Dolgoplov A. A., Zherebtsov A. N. Administrativno-pravovoi rezhim kak kriterii strukturirovaniya otrasli rossiiskogo administrativnogo prava [Administrative Legal Regime as a Criterion for Structuring the Branch of Russian Administrative Law], *Obshchestvo i pravo*, 2016, no. 2, pp. 303–307.

Domchenko A. S. Vidy normativnykh i inykh neindividualizirovannykh pravovykh aktov publichnogo upravleniya federal'nogo urovnya [Types of Normative and Other Non-Individualized Legal Acts of Public Administration at the Federal Level], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2017, no. 6, pp. 52–59.

Khakhaleva E. V. Nekotorye voprosy opredeleniya normativnosti pravovogo akta upravleniya [Some Issues of Determining the Normativity of a Legal Act of Management], *Nauka i sovremennost'*, 2010, no. 6-2, pp. 428–435.

Kononov P. I. *Ocherki obshchei teorii sovremennogo administrativnogo prava* [Essays on the General Theory of Modern Administrative Law], Moscow, Yuniti-Dana, 2021, 239 p.

Nozdrachev A. F. Sovremennoe sodержanie ponyatiya «administrativno-pravovoi rezhim» [The Modern Content of the Concept of «Administrative-Legal Regime»], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 2, pp. 98–110.

Osintsev D. V. *Sistema administrativnogo prava (metodologiya, nauka, reglamentatsiya)* [System of Administrative Law (Methodology, Science, Regulation)], Moscow, Infra-M, 2022, 228 p.

Sobolev O. V. Individual'nyi administrativno-pravovoi rezhim [The Individual Administrative-Legal Regime], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2017, no. 2, pp. 55–63.

Sobolev O. V., Domchenko A. S. Realizatsiya adaptatsionnoi modeli publichnoi vlasti na primere organov mestnogo samoupravleniya v usloviyakh sanktsionnogo davleniya [Implementation

of the Adaptive Model of Public Authority on the Example of Local Governments under Sanctions Pressure], *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy*, 2022, no. 4, pp. 3–6.

Umanskaya V. P., Malevanova Yu. V. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoi Rossii* [Public Administration and Public Service in Modern Russia], Moscow, Norma, 2020, 176 p.

Zyryanov S. M. Ekstraordinarnye (spetsial'nye) administrativno-pravovye rezhimy: ponyatie i obosnovanie neobkhodimosti vvedeniya [Extraordinary (Special) Administrative and Legal Regimes: the Concept and Rationale for the Need to Introduce], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2016, no. 4, pp. 72–81.

Artem Domchenko – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Дата поступления в редакцию / Received: 10.12.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.08.2023